

ния решений партсъездов и директив случалось предостаточно. Пример тому — отношение большевиков к тому же ВКС и Временному правительству. После революции многие старые революционеры продолжали существовать в прежней парадигме, считая себя вправе не выполнять решения парторганов, иметь особое мнение. Это было не самым опасным явлением в годы Гражданской войны и неизбежной «партизанщины» в Красной армии. Но переход к мирному строительству, руководство экономикой на плановых началах до введения нэпа и после его свёртывания (т.е. отказа даже от квазирыночных отношений) потребовали изменения системы организации партийно-государственного руководства.

Войтиков сознательно отказался от рассмотрения всех коллизий до- и послереволюционного развития системы управления, ограничившись изучением внутрипартийных взаимодействий, взаимоотношений руководящих органов: ЦК и его Политбюро, Оргбюро и т.д. В целом эту линию удалось выдержать, что, на мой взгляд, было очень нелегко. Работа заставляет ещё раз задуматься над проблемами советского общества и продолжать их исследование, в том числе в историко-партийном направлении. Во многих аспектах этого предмета автор продвинулся далеко, став, пожалуй, единственным, кому доступно плодотворное, на уровне современной науки изучение чрезвычайно сложных, запутанных и искажённых в историографии сюжетов.

Сложность задач, которые поставил перед собой С.С. Войтиков (большинство из них обязаны были решать патентованные историки партии), вызывает неподдельное восхищение, а имеющиеся в его работе недостатки следует отнести на счёт предшественников, обходивших стороной щекотливые и сложные проблемы деятельности КПСС, что стало, на мой взгляд, одной из причин крушения Советского Союза.

Михаил Зеленов: Война и мир Сергея Войтикова

*Mikhail Zelenov (Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow):
War and World View of Sergey Voytikov*

DOI: 10.31857/S086956870012199-9

История Коммунистической партии как учебная дисциплина исчезла из программ высшего образования, как научная дисциплина — из списка ВАК. Это дало шанс превратить её в предмет анализа. Спор о содержании этого объекта науки начался в 1929 г. и до сих пор существуют разные точки зрения по этому вопросу.

Помимо разных предметов исследования в истории партии существует Историк, который и выделяет из исторического фона то, что он относит к предметам анализа. Историк воспроизводит только ту картину, которую видит, а видит только то, что есть в его описании и входит в его концепцию. В результате читатель получает определённый образ прошлого, который, конечно, больше говорит о мышлении Историка, чем о предмете его изучения. Этим объясняется тот факт, что в огромнейшей историографии истории партии по одним и тем же сюжетам и периодам можно встретить разнообразные по методологии исследования книги и статьи. Вот что говорили по этому поводу авторитетные для меня авторы: «В философии сознания “история” есть “мышление об истории”, то есть “история как сознание”, а не “история как объект сознания”. Иначе говоря, “история” здесь — “осознаваемое»» (А.М. Пятигорский);

«Карта — это не территория, модель мира — не сам мир, но карта структурно подобна территории, и в этом её польза» (А. Коржибский); «Каждый пишет, как он дышит» (Б.Ш. Окуджава). И мне, заинтересованному и ревностному исследователю исторического сознания, конечно, интересно, как воспринимает историю ЦК партии неординарный исследователь С.С. Войтиков.

Если сравнить исследование с картографией, то один историк создаёт административную карту прошлого, другой — политическую, третий — климатическую, четвёртый — туристическую и т.д. Один масштабирует события «крупным планом», детально выписывая действующих лиц и обстоятельства их действий, другой создаёт «мелкомасштабную» историю, обозревая десятилетия или столетия «крупными мазками». Войтиков создал карту, где различные сюжеты показаны в разном масштабировании — от поверхностного обзора дореволюционного периода и 1940—1960-х гг. до «военной топографии» отношений политических лидеров в 1917—1920-х гг.

Труд демонстрирует высокий уровень владения источниками и концепциями последнего десятилетия, в связи с чем его можно считать явлением историографии 2000—2010-х гг. Историк постоянно ищет новые источники и информацию об объекте изучения, причём является лидером в данном «забеге». В последнее десятилетие никто не ввёл в научный оборот столько источников по истории ЦК партии.

Огромная работоспособность, источниковый «фанатизм», освоение новых фондов, изложение или публикация неизвестных архивных материалов — всё это доказывает, что автор — приверженец документальной истории, который постоянно наращивает объём источникового знания, ценит документы и опирается на них. В частности, он привлёк материалы из фондов В.И. Ленина, И.В. Сталина, Г.Е. Зиновьева, Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева, ЦК партии.

Конечно, есть и другие исследователи, мыслящие иначе, у которых совершенно другая установка в познании прошлого: не нужно больше источников, требуется лишь лучше их изучить и проанализировать. Эта позиция основана на признании ценности внеисточникового знания. В 1931 г. её описал Сталин: «Допустим, что кроме уже известных документов будет найдена куча других документов... Кто же, кроме безнадёжных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы? Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партии и лидеров надо проверять по их делам, прежде всего, а не только по их декларациям?»³.

Условно можно отдельно рассматривать субстанцию и акциденцию (предмет и его свойства). Можно было бы даже заявлять, что в мире есть только два объекта исследования — предметы и их свойства, если бы мы не могли выделить ещё и третий — взаимоотношения между объектами. Выделение того или иного из них напрямую связано с отражением действительности Историком. Итак, следующий момент в восприятии связан с ориентацией на высоко- или маловероятные события. Один историк выделяет важные свойства объекта и вслед за этим объективные закономерности процессов развития (или функционирования), упорядочивает их как в изучении, так и в изложении для читателя, другой — эмоции, взаимоотношения людей, зачастую проецируя своё отношение к ним.

³ Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма: письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» // Пролетарская революция. 1931. № 6. С. 96.

В рецензируемом издании почти нет структуры изложения, выделения каких-либо периодов (в отличие от «Краткого курса истории ВКП(б)»), закономерностей развития (хотя рассмотрены 66 лет истории), свойств партии на разных его этапах (тогда как, например, в «Кратком курсе» после каждой главы следовал правильный вывод), но в нём есть всё, относящееся к взаимоотношениям политических лидеров и их эмоциям. Войтиков выделяет все интриги, которые можно проследить по источникам. Авторы «Манифеста Коммунистической партии» воскликнули: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов». Прочитав книгу, можно сделать вывод: «Вся история до сих пор существовавшего Центрального комитета есть история борьбы высшего партийного руководства». Читатель может справедливо спросить, были или нет эти интриги на самом деле (может, историческое полотно нарисовано так, что в качестве кисти использовалось мышление автора?). Однако получит не однозначный ответ, а увлекательное чтение, которое вполне может конкурировать с романами А. Дюма и М. Дрюона. Работу интересно читать — вот её несомненное достоинство.

Нужно обратить внимание на то, как разные историки воспринимают политиков и представляют их читателю. Один изучает их как представителей определённой группы из политической иерархии, другой сосредоточен на изучении индивидуальных качеств. Как же представлены субъекты политики в книге Войтикова? Описывая их взаимоотношения, автор, оставаясь в рамках иерархичного восприятия и описания действующих лиц, привлёк воспоминания современников, содержащие их оценки. Налицо содружество «историка и художника», которые, «описывая историческую эпоху, имеют два совершенно различные предмета... Для историка, в смысле содействия, оказанного лицом какой-нибудь одной цели, есть герои; для художника, в смысле ответственности этого лица всем сторонам жизни, не может и не должно быть героев, а должны быть люди. Историк обязан иногда, пригибая истину, подводить все действия исторического лица под одну идею, которую он вложил в это лицо. Художник, напротив, в самой одиночности этой идеи видит несообразность со своей задачей и старается только понять и показать не известного деятеля, а человека»⁴.

Автор воспринимает историю партии как процесс, такой она и предстаёт перед читателем. По ходу изложения материала происходит постоянное изменение объекта, действительность предстаёт как непрерывная, динамичная смена драматических событий. При этом они сменяют друг друга не в результате каких-либо «объективных причин» (например, Первой мировой войны), а в силу личностных противостояний лидеров. Но эту же историческую картину можно представить совершенно иным способом, как, например, изучение не смены событий, а состояний объекта, где действительность — набор периодически меняющихся статичных картин. Примером служит описавшая тот же период книга Э.Б. Генкиной, в которой деятельность Ленина представлена без рассмотрения внутрипартийной борьбы, личностных взаимоотношений как фактора деятельности и вождя, и СНК⁵. Книга же Войтикова посвящена анализу процессов, а не результатов и целей. Кроме того, в ней почти на каждой

⁴ Толстой Л.Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 т. Т. 7. М., 1981. С. 359.

⁵ Генкина Э.Б. Протоколы Совнаркома РСФСР как исторический источник для изучения государственной деятельности В.И. Ленина. М., 1982.

странице поставлены новые вопросы, требующие дальнейшего последовательного изучения.

Безусловно, данный труд — итог многолетнего кропотливого исследования, изучения архивов и литературы — станет заметным явлением современной историографии.

Михаил Моруков: Новые «Опыты» по истории коммунистического движения в России и СССР

Michael Morukov (Moscow Central State Archive, Russia): New «Essais» on the history of the Communist movement in Russia and USSR

DOI: 10.31857/S086956870012203-4

Кандидат исторических наук С.С. Войтиков, несмотря на молодость, уже успел зарекомендовать себя как серьёзный исследователь истории отечественных спецслужб, военного аппарата и внутрипартийных конфликтов в Советской России в период Гражданской войны. Его монографии всегда отличались тщательностью проработки архивных и опубликованных документальных источников, скрупулёзностью в вопросах археографического описания, а также прямо-таки бретёрской хлесткостью формулировок и оценок. Это свидетельствует об общей эрудиции автора и бойцовском складе его характера и внушает уважение. Однако его новая книга знаменует собой принципиально иной этап в творчестве исследователя — он, пожалуй, впервые выказал стремление к созданию капитальных обобщающих трудов, что для столь эрудированного и плодovitого историка более чем понятно и похвально.

Внушительный объём исследования свидетельствует о необычайной работоспособности автора. Чувство уважения ещё более усиливается при взгляде на массив проработанных источников и литературы. Не приходится сомневаться, что в основе — капитальный научный фундамент. На страницах книги в полной мере можно насладиться изяществом и сочностью стиля (умение писать не настолько распространено среди историков, как этого хотелось бы) и вновь воздать должное широте кругозора и художественному вкусу автора.

В то же время при написании произведения историк столкнулся с рядом проблем, не все из которых ему удалось разрешить столь же изящно, как стилистические. Он поставил перед собой амбициозную задачу: проследить и проанализировать развитие руководящих структур партии, эволюционировавшей от кружка единомышленников до многомиллионной массовой политической организации. За то же время страна, в которой действовала и которой на протяжении большей части описанного периода управляла эта партия, прошла практически полный цикл развития от «военно-феодальной» империи через кризисы трёх революций, двух мировых и Гражданской войн до военной сверхдержавы. В рамках советского периода истории был преодолен путь от военно-политического квазигосударственного образования, не сильно отличавшегося от прочих «правительств» эпохи Гражданской войны (от А.В. Колчака до Н.И. Махно) до сверхцентрализованной государственной машины, которую в беллетристике сплошь и рядом именуют «империя».

Представляется, что на каждом из этапов имелось множество разнонаправленно действовавших факторов, которые историк обязан учитывать и на которые ему приходится постоянно делать поправку при анализе ситуации. К сожалению, в книге эта сторона работы не отражена в достаточной степени